

М. А. ОКУНЕВА

О РОЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ.

Критика буржуазных и ультралевых концепций

Латиноамериканский рабочий класс — крупный отряд международного рабочего движения. Растущий численно (в настоящее время в его рядах насчитывается 40 млн. человек¹) и по уровню классового сознания и организованности, рабочий класс играет все возрастающую роль в революционных процессах на континенте. Вокруг оценки роли рабочего класса в Латинской Америке, перспектив усиления в революционном процессе социальных моментов развернулась острая идеологическая борьба, затрагивающая не только практическую политику, но и теоретические и методологические проблемы.

В программных документах латиноамериканских компартий, в трудах руководителей партий², исследователей-марксистов, в советской историографии последних лет³ дана характеристика социально-классовой структуры Латинской Америки, выявлены условия и перспективы осуществления рабочим классом своей руководящей роли, вскрыта неспособность других классов возглавить революционную борьбу. В марксистских исследованиях показано, что освободительное движение в Латинской Америке связано с систематическими массовыми выступлениями и повышением роли рабочего класса, что растущее влияние марксизма-ленинизма оказало огромное воздействие на расширение фронта революционных сил. В то же время по-прежнему актуальной остается задача критики буржуазных и мелкобуржуазных концепций революционного процесса в Латинской Америке, которые до сих пор имеют широкое хождение.

¹ «Латинская Америка», 1973, № 3, стр. 180.

² Р. Арисменди. Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964; его же. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1973; В. Кодовилья. Избранные статьи и речи. М., 1970; Л. Корвалан. Путь победы. М., 1971; Ф. Кастро. Сила революции — в единстве. М., 1972; R. Ghioldi, G. A. Alvarez. Es hora de poner fin a tanto desborde. Buenos Aires, 1971; R. Ghioldi. Lenin y el pensamiento contemporáneo. Buenos Aires, 1972; G. Vieira. El anticommunismo es arma de la reacción capitalista.— «Documentos políticos», Bogotá, 1972, vol. 98, и др.

³ «Классы и классовая борьба в развивающихся странах», т. I. М., 1967; «Пролетариат Латинской Америки». М., 1968; «Сельские трудящиеся Латинской Америки». М., 1972; «Ленинизм и Латинская Америка», ч. 1. М., 1972; А. В. Шестопал. Кризис интегрально-элитарной концепции.— «Вопросы философии», 1970, № 1; А. Ф. Шулъговский. Леворадикальные концепции революционного, антиимпериалистического и демократического процессов.— «Латинская Америка», 1972, № 4; его же. Опыт решения национального вопроса в СССР и идеологическая борьба в Латинской Америке.— «Латинская Америка», 1972, № 6; Б. И. Коваль. Классовая структура капиталистических стран Латинской Америки.— «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 6.

Современные буржуазные и мелкобуржуазные социологи, отрицая единство всемирно-исторического процесса, считают, что для «незападных» и «слаборазвитых» стран неприемлемы принципы социального деления общества, выявленные якобы лишь на основе изучения Европы⁴. Главный удар при этом направляется против теории классов и классовой борьбы. Они утверждают, будто социальной структуре Латинской Америки вообще не присущи классовые различия, которые рассматриваются как специфический атрибут европейского или североамериканского мира. Такую картину социальной нерасчлененности общества рисует бывший президент Колумбии, один из деятелей буржуазного реформизма Льерас Рестрепо: «Я уверен, что концепция, основанная на классовой борьбе, не соответствует колумбийской действительности... В нашем обществе скорее можно видеть неопределенное число различных вариантов социальных позиций, чем два или три класса. Поэтому в основе наших социальных конфликтов лежит вовсе не конфликт между трудом и капиталом»⁵. Классовый подход к анализу социальной структуры Латинской Америки, заявляет английский социолог А. Энджелл, означает лишь неправомерное отождествление ее с «европейской классовой структурой»⁶. Тезис о «недейственности» классовой борьбы как движущей силы истории в Латинской Америке пытаются обосновать в некоторых работах данными о большой роли армии, рассматриваемой как надклассовая сила⁷. Аргентинский социолог Т. Ди Телля использует понятие «класс», но заявляет, что оно принципиально отличается от «европейского толкования»; на деле же он подменяет понятие «класс» внеклассовыми общностями⁸. В основе аргументации ряда буржуазных социологов (например, М. Бобера) лежит тезис о неприменимости классового подхода к социальной структуре Латинской Америки как структуре «более сложного типа», чем ее «двух-классный» европейский вариант⁹. Наличие в Латинской Америке многочисленных промежуточных социальных слоев, питающее многообразные теории «среднего класса», также используется для попыток (Р. Билс) опровергнуть наличие классовой структуры общества¹⁰.

Отказ от теории классов и классовой борьбы лежит в основе различных буржуазных и мелкобуржуазных социологических концепций социальной структуры, являющихся в свою очередь базой антимакистских взглядов на место и роль пролетариата в революционной борьбе. Исходным моментом антимакистских концепций по этому вопросу является теория «модернизации»¹¹, широко используемая в буржуазной латиноамериканистике. Понимая модернизацию как глобальный процесс обновления экономических, социальных и политических структур нового и новейшего времени, связанный с введением новой технологии, У. Росту, один из творцов этой теории, рассматривает процесс экономического роста как переход от «традиционного», аграрного по своей природе общества к современному, индустриальному. К «традиционному обществу» причисляются

⁴ R. Stavenhagen. Las elites sociales en las sociedades agrarias. México, 1970, p. 20, 23; F. H. Cardoso. Cuestiones de sociología del desarrollo en América Latina. Santiago, 1968, p. 38.

⁵ «Latin American Sociological Studies». University of Keel, 1967, p. 84.

⁶ A. Angell. Populism and Political Change: the Case of Colombia.— «Latin American Sociological Studies», p. 80—84.

⁷ S. E. Finer. Military and Society in Latin America.— «Latin American Sociological Studies», p. 151.

⁸ T. Di Tella. Populism and Reform in Latin America.— «Obstacles to Change in Latin America». London, 1965, p. 53.

⁹ M. M. Bover. Karl Marx's Interpretation of History. A Study of the Central Thesis of Marx-Engels Doctrine of Social Evolution. New York, 1965, p. 303.

¹⁰ R. L. Beals. Social Stratification in Latin America.— «Contemporary Cultures and Societies of Latin America». New York, 1965, p. 343, 346. 347—351.

¹¹ Определения сущности этой теории ее различными представителями см.: Т. Д. Круина. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России в конце XIX — начале XX в.— «История СССР», 1974, № 1.

первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный строй, а также «нетронутые человечеством посленьютоновские общества», как называет У. Росту страны Африки и Полинезию; под «современным обществом» объединяются и капитализм и социализм. Латинская Америка, по утверждению сторонников теории «модернизации», представляет собой «переходное общество», «конгломерат двух миров» — традиционного и современного, что обуславливает несущественность для нее классового деления¹². Переход «традиционного общества» в «современное» рассматривается в отрыве от трансформации классовой структуры¹³.

На отказе от классового подхода к анализу социальной структуры Латинской Америки зиждется и концепция «внутреннего колониализма», которую проповедают некоторые латиноамериканские социологи лево-экстремистского направления — Р. Ставенхаген, Ф. Кардозо, Л. Витале, И. Фриас и др.¹⁴. Приверженцы этой концепции рассматривают ее как альтернативу теории «модернизации», различным концепциям «развития» национал-реформистского толка, с одной стороны, и марксизму-ленинизму, учению о социально-экономических формациях, — с другой.

Мексиканский социолог Р. Ставенхаген, выдвинувший концепцию «внутреннего колониализма», исходит из того, что «отсталые, слабо-развитые регионы наших стран всегда играли роль внутренних колоний по отношению к развитым городским центрам или к производящим сельскохозяйственным зонам, являющимся по существу метрополиями»¹⁵. Подчеркивая, что в условиях капитализма развитие одних районов порождает отсталость других и поэтому «прогресс современных городских, индустриальных регионов Латинской Америки идет за счет отсталых, архаичных и традиционных зон»¹⁶, Ставенхаген и его сторонники нанесли серьезный удар буржуазно-реформистским концепциям, вытекающим из теории «модернизации». Однако, пытаясь объяснить противоречия «зависимого от империализма общества» путем преодоления ограниченности дуалистического анализа, характерного для теории «модернизации»¹⁷, концепция «внутреннего колониализма», как показал А. Ф. Шулговский, «при всей полемической заостренности против концепции дуализма, по сути дела, возрождает ее в несколько модифицированной форме»¹⁸. Неклассовый анализ социальной действительности континента, лежащий в основе обеих концепций, сближает их.

Рассмотренные выше социологические схемы, изобретенные для утверждений о неклассовом характере социальной структуры Латинской Америки, используются для попыток искажения характера и перспектив революционных процессов и особенно для отрицания революционной роли пролетариата.

Буржуазные социологи видят перспективу для Латинской Америки в развитии без революции: концепция «традиционного общества», вовсе не обязательно слаборазвитого, не препятствующего процессу развития и,

¹² W. R o s t o w. The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960, p. 19; L. M. V e g a. Mécanismes du pouvoir en Amérique Latine. Paris, 1967, p. 82—83.

¹³ G. G e r m a n y. Social Change and Intergroup Conflicts.— «The New Sociology», ed. I. L. Horowitz. New York, 1964, p. 395; e g o ж e. La política y sociedad en época de transición. Buenos Aires, 1963, p. 117—126.

¹⁴ R. S t a v e n h a g e n. Seven Erouneous Theses About Latin America.— «Latin American Radicalism. A Documentary Report of Left and Nationalist Movement». New York, 1969; F. H. C a r d o s o. Op. cit., L. V i t a l e. Latin America: Feodalism or Capitalism.— «Latin America: Reform or Revolution». New York, 1968; I. F r i a s. La Revolución y la vía socialista. Lima, 1970.

¹⁵ R. S t a v e n h a g e n. Seven Erouneous Theses..., p. 106.

¹⁶ Ibid., p. 107.

¹⁷ O. I a n n i. Sociologie et dépendance scientifique en Amérique Latine.— «Information sur les sciences sociales». Août, 1970, p. 104—105.

¹⁸ А. Ф. Шулговский. Леворадикальные концепции революционного, антиимпериалистического и демократического процессов, стр. 68.

следовательно, не нуждающегося в коренной ломке¹⁹, представляет собой удобную, по их мнению, социологическую модель. Правомерность ее отдельные авторы пытаются обосновать историческими примерами: опирающиеся на традиционные структуры консервативные политические силы Латинской Америки начала XIX в. рассматриваются как «не противостоящие» революционным изменениям — вопреки действительной расстановке классов в войне за независимость в Испанской Америке.

Прибегая к дуалистическому анализу социальной структуры, основанному на внеклассовых критериях, буржуазные авторы пытаются убедить читателя в «прогрессивности капитализма» в современной Латинской Америке и ведущей роли буржуазии в освободительном движении. Пролетариат изображается как нереволюционный класс. В то же время концепция «внутреннего колониализма», также отмеченная чертами классового нигилизма, используется для отрицания — уже с «ультралевых» позиций — исторической миссии рабочего класса. Латиноамериканский рабочий класс провозглашается «нижней прослойкой среднего класса», «рабочей аристократией», «обуржуазившимся», «привилегированным» и «нереволюционным» классом, пользующимся плодами цивилизации вместе со всем населением города, в противовес пеонам латифундий, сельскохозяйственным рабочим, крестьянам, арендаторам, бедным общинникам²⁰.

В наиболее общей форме концепция «привилегированности» рабочего класса «третьего мира» сформулирована голландским социологом И. Понсиуном: «Есть серьезные основания сомневаться, что положение рабочего класса хуже, чем положение бедноты доиндустриальной эры, а также современного крестьянства»²¹. Перуанский троцкист И. Фриас утверждает, будто «индустриальные рабочие, особенно городские и вступившие в профсоюзы, представляют собой социальную группу, частично интегрированную в систему господства»²². Он считает пролетариат «сравнительно привилегированным... относительно консервативным, подверженным влиянию буржуазных и мелкобуржуазных партий, а также бюрократических и оппортунистических профсоюзов, ограничивающихся борьбой за реформы, которые улучшают положение пролетариата в системе, и не вступающих в борьбу за разрушение самой этой системы». В городе резервом революции, заявляет Фриас, может быть только молодежь, живущая в трущобах и лишенная надежд на работу и благосостояние, не знающая всего «отчаяния жизни в деревне», с одной стороны, и, с другой, — видящая ежедневно, благодаря «демонстрационному эффекту», недоступный ей городской комфорт. Наиболее эксплуатируемым классом считается крестьянство, которое страдает «от внешнего неоколониализма, слаборазвитости и внутреннего колониализма» и поэтому является «решающей революционной силой»²³.

Концепция «привилегированности» рабочего класса Латинской Америки зиждется на сравнении доходов рабочих, крестьян и низших слоев города, отверженных и деклассированных элементов. Но такие сравнения не учитывают, во-первых, большую интенсивность труда рабочего, большую стоимость воспроизводства рабочей силы в промышленности, чем в сельском хозяйстве, усложнение ее воспроизводства в современных условиях (особенно в связи с воздействием научно-технической революции, ведущим к повышению стоимости рабочей силы и находящим свое выражение в дальнейшем развитии потребностей), растущий разрыв между действительной стоимостью рабочей силы и реальной заработной

¹⁹ K. Silvert. Les valeurs nationales, le développement, les lidés et leurs troupes. — «Revue de psychologie du peuple», 1965, p. 13.

²⁰ C. R o m e o. Las clases sociales en America Latina. — «Pensamiento crítico», 1968, № 16, p. 50—51.

²¹ I. A. P o n s i o e n. The Analysis of Social Change. S'Gravenhage, 1962, p. 134.

²² I. F r i a s. Op. cit., p. 63.

²³ Ibid. p. 62.

платой вследствие увеличения общественно необходимых затрат, как материальных, так и духовных, по мере интенсификации труда, роста квалификации, повышения культурного уровня рабочего класса. Во-вторых, игнорируются объективные условия городской жизни, безработица, а также распространенное в развивающихся странах, где идет быстрая урбанизация, обгоняющая темпы индустриализации, явление «семейного паразитизма». Деревенские родственники рабочего, попадая в город, не всегда и не сразу находят работу и отягощают в силу сложившихся традиционных связей его семью.

Хотя более высокая производительность и затраты труда в современной промышленности ведут к различиям в уровне жизни рабочего и крестьянина, а классовая борьба пролетариата и растущее влияние успехов мирового социализма способствуют сдвигам в материальном положении рабочего класса, конкретные экономические исследования свидетельствуют, что оно не соответствует прожиточному минимуму, не удовлетворяет потребностей рабочего и его семьи.

Несоответствие заработной платы стоимости рабочей силы даже по официальным данным, которые дают заниженные цифры прожиточного минимума, очень велико: в Мексике в начале 60-х годов доходы 60% обследованных городских семей не соответствовали прожиточному уровню, в Буэнос-Айресе семья рабочего в 1965 г. могла удовлетворить лишь 61% необходимых потребностей; в Боготе в эти же годы около половины из группы 10 тыс. трудящихся имели зарплату, равную лишь $\frac{1}{3}$ прожиточного минимума²⁴. Данные комиссии экономических исследований компартии Аргентины свидетельствуют об усиливающемся разрыве между необходимыми расходами и реальной зарплатой: у квалифицированного рабочего этот разрыв возрос в 1966—1972 гг. с 12,6 тыс. до 94,5 тыс. песо, у разнорабочего промышленного предприятия — с 16,7 тыс. до 108,4 тыс. песо²⁵.

К этому надо добавить данные о динамике реальной заработной платы, об усилении интенсификации труда, росте безработицы, состоянии жилищных условий, образования, медицинского обслуживания. Об усилении эксплуатации рабочего класса свидетельствует рост нормы эксплуатации в обрабатывающей промышленности: Бразилии (1939—1958 гг.) с 237% до 370%, Мексики (1950—1960 гг.) — с 322% до 440%, Аргентины (1946—1962 гг.) — с 261% до 370%²⁶.

Латиноамериканский рабочий не может рассматриваться как «привилегированный» и потому, что в его заработную плату не только не возвращается часть прибавочного продукта, но он не оплачивается и по стоимости рабочей силы. Так, например, заработная плата рабочих венесуэльских нефтепромыслов больше, чем заработная плата рабочих многих других отраслей, однако норма эксплуатации их столь высока, что именно они являются сверхэксплуатируемой социальной категорией. То же самое можно сказать о нефтяниках, железнодорожниках и высококвалифицированных рабочих ряда отраслей промышленности Мексики и других стран.

Сравнение доходов рабочего и крестьянина научно не обосновано также и потому, что при этом обычно учитываются только денежные доходы крестьянина, но игнорируется часть продукции, используемая им для собственного потребления. Метод сравнения доходов рабочего класса и крестьянства вуалирует положение этих классов в системе общественного производства.

В число так называемых доказательств «привилегированности» рабочего класса буржуазными идеологами включается также более высокий социальный статус рабочего, чем крестьянина. Действительно, в отличие от

²⁴ «Пролетариат Латинской Америки», стр. 111—112.

²⁵ «Nuestra palabra», 16.I.1973.

²⁶ «Пролетариат Латинской Америки», стр. 105.

эпохи генезиса капитализма в Западной Европе, в современной Латинской Америке социальный статус при переходе из деревни в город не понижается, а повышается. Однако это обусловлено не получением рабочими привилегий за счет крестьянства или других общественных слоев, а более высоким престижем современного города, являющегося центром экономической, политической и духовной жизни страны, главным двигателем прогресса. Все большее значение приобретает понимание принадлежности рабочего класса Латинской Америки к международному рабочему классу.

Объективная основа революционности рабочего класса коренится в природе капиталистической эксплуатации и объяснена марксовской теорией прибавочной стоимости. Эта сторона марксизма подвергается особо упорным нападкам со стороны буржуазных и мелкобуржуазных идеологов.

Сторонники концепции «обуржуазивания» латиноамериканского рабочего класса заявляют о его «привилегированном» положении, отвергая установленную К. Марксом связь между нормой прибавочной стоимости и нормой эксплуатации, игнорируя рост социальной нищеты.

Критерий размера доходов, выдвигаемый в качестве единственного фактора, определяющего роль класса в революционном процессе, лишен не только социально-экономического, но и исторического обоснования. Так, например, переход от феодализма к капитализму в его классическом западноевропейском варианте, когда во главе революций шла восходящая как класс буржуазия, вовсе не связан с тем, что буржуазия жила хуже, а доходы ее были меньше, чем у дворянства. Одно лишь бедственное положение класса, его страдания и нищета, без совокупного учета места в общественном производстве, отношения к средствам производства, места в организации труда, способа получения и размера доли общественного богатства, не определяют его роли в политической и социальной борьбе.

Попытки установления прямой зависимости революционности класса от его материального положения представляют собой грубую вульгаризацию. Несостоятельность их доказана всей историей мирового революционного движения. В то же время отрицание объективных основ революционности и эмоциональный, романтический, по оценке Р. А. Ульяновского²⁷, подход к проблеме эксплуатации порождает ненаучные, утопические выводы о роли различных классов в политической жизни и борьбе.

Концепция «привилегированности» пролетариата не только теоретически несостоятельна, но и наносит огромный ущерб борьбе рабочего класса за единый фронт всех революционных сил. Пытаясь обосновать ее, приверженцы концепции «внутреннего колониализма» рассматривают город в целом, промышленные зоны, «современный сектор» как колонизатора, эксплуататора деревни и отсталых, «традиционных» зон, а рабочий класс как пользующийся «благодеяниями внутреннего колониализма» и противостоящий крестьянству в той же мере, что и буржуазия. Р. Ставенхаген даже утверждает, что рабочий класс будто бы отрицательно относится к аграрной реформе, боясь возможного уменьшения продовольствия в городе, а заинтересованное в высоких ценах на продукты сельского хозяйства крестьянство не поддерживает борьбу рабочего класса²⁸. Следует отметить, что мелкие землевладельцы в условиях капитализма вступают в противоречие с массой пролетариев и полупролетариев, потому что крестьяне как продавцы сельскохозяйственных продуктов заинтересованы в повышении цен на них и тем самым совместно с крупными землевладельцами участвуют во взимании повышенной земельной ренты со всего общества. И хотя львиная доля этой поземельной ренты попадает в руки помещиков, «все же классовое положение мелких земледельцев и наемных рабочих всецело подходит, в их взаимоотношении, к положению мелкого буржуа и проле-

²⁷ См. Р. А. Ульяновский. Социализм и развивающиеся страны, М., 1972, стр. 123.

²⁸ R. Stavenhagen. Seven European Theses..., p. 116.

тария»²⁹. Эти противоречия — одна из характеристик социально-классовой действительности латиноамериканского континента. Они являются объективной составной частью сложностей на пути рабоче-крестьянского союза. Однако эта сторона положения мелкого крестьянина, хотя и важная, но не единственная характеристика его социального лица. Являясь одновременно не только собственником, но и тружеником, он подвергается жестокой эксплуатации, испытывает на себе всю тяжесть преобладания отсталых форм аграрных отношений, всю тяжесть развития капитализма в сельском хозяйстве и засилья иностранных монополий.

Немарксистская социология пытается обосновать невозможность союза между рабочим классом и крестьянством. Игнорируя коренные классовые интересы рабочего класса и крестьянства, вытекающие из роли этих классов в системе производственных отношений, концепция «внутреннего колониализма» отрицает кровную заинтересованность рабочего класса в ликвидации латифундизма в деревне, препятствующего социальному прогрессу и являющегося причиной ухудшения положения всех трудящихся в городе и деревне. Крестьянство, остро страдающее от латифундизма, — естественный союзник рабочего класса. Концепция «внутреннего колониализма» не учитывает и последствий растущей капиталистической эксплуатации латиноамериканского крестьянства, вследствие которой крестьяне также становятся естественным союзником городского пролетариата.

Объективная обусловленность исторической миссии пролетариата отнюдь не означает, что она осуществляется автоматически. Имеется противоречие между социально-экономическим положением пролетариата и его политической зрелостью. Латиноамериканские коммунисты отмечают, что некоторые слои рабочего класса, «не будучи в полном смысле слова «рабочей аристократией», в определенной степени подвержены влиянию буржуазной идеологии и питают правооппортунистические взгляды»³⁰. Однако противоречие между социально-экономической и политической зрелостью разрешается в процессе роста классового самосознания рабочего класса, в ходе усиления революционной борьбы, укрепления коммунистических партий, все большего воздействия мирового социализма на развитие революционного процесса. Латиноамериканский опыт подтверждает коренные положения марксизма-ленинизма о значении практической революционной деятельности, роли революционного сознания и организованности пролетариата.

Концепция «привилегированности» рабочего класса связана с общей тенденцией буржуазной историографии, придающей особое значение апологии не только современного империализма, но и более ранних этапов истории капитализма. Эта концепция имеет питательную среду в крестьянской отсталости и забитости, в восприятии городской жизни глазами отсталого крестьянина и характерна для раннего этапа пролетарских движений и для молодых, новых слоев рабочего класса. Выдвигая в качестве главного критерия исторической роли класса размер дохода и уровень жизни, приверженцы концепции «привилегированности» пролетариата воспроизводят постулаты домарксовской социологии, которая апеллировала к крестьянству и городским низам как к более бедным, хуже живущим слоям и потому более «истинным» революционерам; при этом повышение уровня жизни рабочего класса рассматривается как препятствие к его освобождению, а его падение до уровня жизни люмпен-пролетария как лучшее средство способствовать ниспровержению капитализма.

Выступая против марксистско-ленинского учения об исторической миссии рабочего класса, отрицая революционность рабочего класса, его способность быть гегемоном, буржуазные и мелкобуржуазные идеологи иска-

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 224.

³⁰ А. Каррильо Хилес. IV съезд Гватемальской партии труда. — «Проблемы мира и социализма», 1970, № 10, стр. 32.

жают роль рабочего класса в отношении его союзников. Если рабочий класс «аристократизировался», «обуржуазился», то не может быть и речи о его руководящей роли в отношении тех социальных сил, за счет которых он якобы получает свои привилегии и которые в свою очередь как раз и составляют значительную часть массовой базы латиноамериканских революций. Эти концепции используются также против самого рабочего класса, экономические требования которого изображаются как ведущие к повышению стоимости жизни и противоречащие национальным интересам.

Эти концепции, в силу своей антипролетарской ориентации, дают искаженную оценку существа латиноамериканского революционного процесса и его места в мировом революционном процессе, направлены на то, чтобы способствовать средствами идеологии его отрыву от международного рабочего класса, от мирового социализма. Они стремятся влить его в широкое русло националистических движений. Эта линия, вытекающая из концепции «пролетарских» и «буржуазных» наций³¹, извращает взаимоотношения и роль различных потоков мирового революционного процесса: «классы» заменяются «нациями», «пролетариат» — «слаборазвитым обществом», «отчуждение класса» — «отчуждением слаборазвитой нации», «революционное классовое сознание» — «идеологией развития» и т. д.

Несмотря на специфические черты революционного процесса в различных латиноамериканских странах и разную степень прямого участия в нем рабочего класса, роль последнего неуклонно возрастает. Обострение классовых противоречий, усиление политического значения пролетариата, активизация его действий оказывают свое влияние на радикализацию мелкой буржуазии, передовой интеллигенции, студенчества, патриотически настроенных военных, отдельных церковных кругов, на включение в борьбу новых социальных сил, расширяющих революционный поток. Компартии Латинской Америки отнюдь не рассматривают рабочий класс как единственную революционную силу и не идеализируют его, придавая большое значение борьбе всех революционеров континента; однако коммунисты считают, что «именно рабочий класс является ведущей силой этого социального конгломерата... которому необходима гегемония рабочего класса, способная обеспечить осуществление цели, к которой стремятся широкие народные массы»³². Не отрицая роли мелкобуржуазных слоев в руководстве революционным движением на его антиимпериалистическом, демократическом этапе, марксистско-ленинские партии континента подчеркивают решающее значение борьбы рабочего класса как до конца последовательно демократической, антиимпериалистической, патриотической силы и единственного класса, который может руководить переходом к социализму.

Отмечая выдающуюся роль рабочего класса в победе кубинской революции, Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы Фидель Кастро заявил, что в 1959 г. именно всеобщая забастовка рабочего класса передала власть в руки революции, что именно рабочий класс вместе с Повстанческой армией «положил конец планам реакции, намеревавшейся вырвать в последний момент из рук народа победу, как это не раз уже случалось прежде»³³. Решающую роль сыграл кубинский рабочий класс в проведении антиимпериалистических и демократических преобразований и в быстром переходе к строительству социализма. Рабочий класс Кубы вносит решающий вклад в социалистическое строительство. При братской помощи социалистических стран, в особенности Советского Союза, рабочий класс и весь народ Кубы смог достичь крупных успехов в развитии народного хозяйства страны. Рабочий класс проявил героизм не только в ходе борьбы за свободу и в боях в защиту родины, но и героизм труда, «повседневный героизм творцов нового общества, которые самоотвержен-

³¹ C. R o m e o. Op. cit., p. 55.

³² R. I s c a r o. América Latina en marcha. Buenos Aires, 1967, p. 248.

³³ Ф. К а с т р о. Речи и выступления. М., 1960, стр. 162.

но, без треска и шума стараются отдать как можно больше и все лучшее для своей родины»³⁴.

В Чили рабочий класс, выступая в союзе с другими патриотическими, демократическими силами, требовавшими революционного обновления, социальных перемен, являлся главной движущей силой антиимпериалистической, антиолигархической, антифеодальной революции с перспективой перерастания в социалистическую. Правительство блока Народного единства во главе с президентом Сальвадором Альенде являлось прежде всего «завоеванием рабочего класса»³⁵. В 1970—1973 гг. это правительство, действуя в условиях ожесточенного сопротивления классового врага и финансовой блокады империализма, провело глубокие революционные преобразования, ликвидировало господство в стране монополий США, вернуло Чили ее медь, ликвидировало латифундии, установило контроль государства над крупнейшими предприятиями, создало большой государственный сектор, существенно перераспределило национальный доход в пользу трудящихся. Фашистская хунта — орудие чилийской олигархии и империализма США, совершившая 11 сентября 1973 г. военный переворот, нанесла жестокий удар по прогрессивным силам, по рабочему классу, его партиям и профсоюзам, повела военные операции против заводов, фабрик, рабочих поселков, ухудшила условия жизни и труда рабочих, осуществила «замораживание» заработной платы и ее снижение, увеличила рабочую неделю без оплаты сверхурочных часов, запретила забастовки. Как говорится в нелегально распространенном в Чили 11 октября 1973 г. обращении компартии «К чилийскому народу», «жестокость и злоба, с которыми подавляются все демократические движения, и особенно рабочее движение, не имеют прецедента ни в нашей стране, ни во всей Латинской Америке»³⁶. Переданные под государственный контроль предприятия возвращаются чилийским и иностранным монополиям. Как констатировала в октябре 1973 г. «New York Times», «с участием рабочих в управлении предприятиями покончено». Земли, предоставленные крестьянам Народным единством, снова передаются латифундистам.

Однако чилийская революция потерпела лишь временное поражение. Возглавив борьбу всех демократических сил против террористического режима хунты, «рабочий класс выйдет из предстоящих испытаний и боев еще более сильным»³⁷.

Крупной политической силой является рабочий класс Уругвая. Возглавляя борьбу трудящихся и всего народа за улучшение условий жизни, за демократию и социальный прогресс, он стал ядром Широкого фронта провозгласившего антиимпериалистическую и антиолигархическую программу и успешно выступившего на всеобщих выборах 1971 г. В июне 1973 г. реакционные силы Уругвая совершили государственный переворот, объявили вне закона влиятельное профсоюзное объединение — Национальный конвент трудящихся, военной силой изгнали бастовавших рабочих с занятых ими предприятий. Захват рабочими летом 1973 г. правительственных учреждений, промышленных предприятий, зданий государственной телефонной компании и предприятий коммунального обслуживания выявил огромные возможности рабочего класса Уругвая, усиливающего, несмотря на репрессии, сопротивление диктатуре.

Удары, нанесенные рабочему классу, демократическим силам Латинской Америки, свидетельствуют, что реакция при активной поддержке империализма перешла в ряде стран в контрнаступление. Ее попытки нанести удар в первую очередь по рабочему классу обнажают страх перед сплочением вокруг него прогрессивных сил континента, одержавших в период,

³⁴ Ф. К а с т р о. Сила революции — в единстве, стр. 98.

³⁵ Л. К о р в а л а н. Путь победы, стр. 305.

³⁶ «Коммунист», 1973, № 15, стр. 91.

³⁷ Там же, стр. 94.

начавшийся победой кубинской революции, ряд значительных успехов, в которых ярко выявилась растущая роль рабочего класса.

Вместе с тем многообразная латиноамериканская действительность дает немало примеров временных отступлений рабочего движения в отдельных странах и утраты им завоеванных позиций. Объективным фактом является недостаточная зрелость пролетариата в ряде стран, отсутствие у него такого влияния, которое дало бы возможность возглавить революционный процесс и повести за собой массы, значительный удельный вес в его рядах недавних выходцев из крестьян и городских мелкобуржуазных слоев, чуждые идеологические воздействия, вносимые такими реформистскими профцентрами, как ОРИТ, Американским институтом развития свободного синдикализма, буржуазно-реформистскими и империалистическими кругами. Для обоснования антипролетарских концепций революционного процесса в Латинской Америке используются такие факты, как сохранение в мексиканском рабочем движении довольно сильных позиций реформизма и «экономизма» и аналогичные тенденции в других странах; контроль над основными профсоюзами в Мексике со стороны правительства и компаний, прибегающих к социальному маневрированию, подкупу профсоюзных деятелей и репрессиям; трудности рабочего движения Бразилии, где пролетариат еще не смог стать руководящей силой политического развития; значительное влияние на рабочий класс Аргентины идеологии перонизма; специфические условия некоторых стран, где «пролетариат и его естественные союзники еще недостаточно созрели, чтобы самим решить вопрос о власти»³⁸ и где борьбу против империализма и олигархии возглавили патриотически настроенные военные. Однако активизация выступлений рабочего класса Мексики, усиление антиимпериалистических и антиолигархических настроений в рабочем классе Аргентины и поворот перонистских масс влево, выступления рабочих в ряде стран континента свидетельствуют о растущей политической роли рабочего класса.

История латиноамериканских стран, в частности государственный переворот 1964 г. в Бразилии, показывает, что отсутствие опоры на рабочий класс, как на самую передовую силу в борьбе за коренные социально-экономические преобразования, способствует победе реакции и империализма. Свержение правительства Торреса в Боливии в 1971 г. также явилось в значительной степени результатом оторванности националистически настроенных военных от рабочего класса, его организаций и отсутствия прочных связей рабочего класса с патриотической частью вооруженных сил. В то же время сама логика событий вынуждает прогрессивные военные режимы все больше опираться на трудящихся, их политические партии и профсоюзы, на массовое революционное движение. Рабочий класс Перу поддерживает глубокие социальные преобразования, осуществляемые революционным военным правительством Х. Веласко Альварадо, активно выступает в защиту и за углубление революции, все более широко включается в политическую жизнь³⁹.

В сложной ситуации, сложившейся в современной Латинской Америке, в многоплановом и противоречивом ходе событий прослеживается тенденция возрастания роли рабочего класса как главной движущей силы революционного процесса.

³⁸ Р. Д а р и о С о у с а. Панама: новые перспективы борьбы.— «Латинская Америка», 1973, № 1, стр. 20.

³⁹ «Tesis políticas del VI Congreso nacional del Partido Comunista Peruano». [s.l., s.a.], p. 25.